

Р29Р
Б24

Ирина Баринава

СОСТРАДАНИЕ

Р2 Яр
Б24

Ирина Баринова

СОСТРАДАНИЕ

Избранная лирика

Ярославль
2014

№ - 199121-3

УДК 82-16
ББК 84(4Рос)
Б 24

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Б 24 Баринова И.Е. Сострадание. Избранная
лирика / И.Е. Баринова. - Ярославль:
Аверс Плюс, 2014. - 52 с. (Серия
"Дорогие мои земляки").

ISBN 978-5-9527-0254-7

© Н.Ю. Делягин, 2014
© Г.П. Хирцов (составление), 2014
© Аверс Плюс, 2014

«И не привыкнуть к боли никогда...»

Николай Некрасов, один из самых русских поэтов России, сказал: *«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»*. Гражданская позиция Ирины Бариновой так ярко выражена в ее творчестве, что рядом некого поставить из ныне здравствующих поэтов, смелость и мужество ее ни с кем не сравнить. Стезя ее трагической жизни и творчества сравнимы только с судьбами А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, В. Маяковского, Н. Рубцова, И. Талькова и других поэтов.

Ирина писала сердцем, кровью и душой. Ее стихи – высокая поэзия гражданина с обостренным чувством справедливости и сострадания. Говорить и писать о поэзии Ирины есть смысл только строчками ее стихов:

*Возможно ли жить не по лжи
В стране изолгавшейся этой,
Где призраки и миражи
Уводят от истины светлой?*

Или:

*Воронье над Россией кружит,
Солнце доброе, щедрое застит.
А Россия распятой лежит,
Лихолетью открытая настезь.*

За всю историю человечества ни в одной стране мира не уничтожалось такого количества граждан, сколько уничтожено за двадцатый век в горячо любимой нашей России. С какой болью и трепетом пишет Ирина об этом в стихотворении «Бойня»:

*В который же раз наш народ обманули?
Скажите, кому эта бойня нужна?*

«...»

*Уястребов целы и когти, и крылья,
На сытых их мордах не выступит
кровь.*

*И миром по-прежнему правит насилье,
И втоптаны в грязь и добро, и любовь.*

Красивая, талантливая, она и ее творчество никому из власть придержащих и чиновников от культуры были не нужны. Ярко выраженная индивидуальность, острота и глубина взгляда на мир, гениальная одаренность оказались невосребованными «генералами» от культуры. Сознавая это и испытывая душевную боль, Ирина пишет о себе:

*Судьба моя лукавая,
Твой приговор суров:
Врагов не наживала я,
Но нажила врагов.*

Потрясающе талантливая и легко ранимая, она ищет ответы на вопросы, поставленные жизнью Родине, народу, ей самой:

*О, как нелепо я живу –
Все верю, словно в Божью милость:
Восторжествуют наяву
И доброта, и справедливость.*

*И жизнь спасется красотой.
Но вдруг в бессилии заплачу,
Что этот мир, несчастный, злой
Я не смогу переиначить.*

У Ирины было много друзей и почитателей ее дарования, которым она приносила огромную радость своим творчеством. Встречи с ней пре-

вращались в праздники поэзии и становились событием в культурной жизни нашего региона. Почти двадцатилетняя дружба с Ирой подарила мне многих искренних друзей и единомышленников, горячо любящих свое Отечество и великую русскую культуру. Поэзия Ирины – это прежде всего Любовь. В жизни все начинается с любви. Ее стихи о любви – это музыка, и не случайно многие из них нашли своих композиторов: Г. Пономаренко, В. Тихонов, Г. Митяев, И. Паршуту, Л. Булатов, Н. Матвеичев и другие.

Все, кто хоть раз прикоснулся к творчеству Ирины, остаются под его обаянием до конца своих дней. Военные, писатели, художники, артисты, музыканты, труженики села, люди разных возрастов прониклись глубочайшим уважением и любовью к ее творчеству, состраданию за судьбу Родины в наше лживейшее, жесточайшее, бесчеловечнейшее, разрушительнейшее и несправедливейшее время, когда с ног на голову поставлены понятия добра и зла. Как и многие из нас, она говорит: *«Я не в свое явилась время»*.

Часто наши современники, друзья, соседи, коллеги, жалуются на плохое зрение, боли в суставах, спине, на язвы, ушибы, растяжения и т.д. У Ирины красной нитью проходит одна жалоба:

*...Если бы вы только знали,
Как душа моя болит.*

Или:

*...а сердцу больно, больно,
И не привыкнуть к боли никогда.*

Ира человек чуткий, сострадательный, и в стихах ее постоянно звучит мотив жалости, соучастия, добра:

Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
...Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.
Платить, не пряча про запас,
За доброту добром.
Все будет только лишь сейчас
И ничего – потом.

Или:

Дефицит доброты – почему же?
Не хватает тепла отчего? –
У жены – для любимого мужа,
У сынов – для отца своего.

Появились «забытые» дети
И ненужные всем старики.
Видно, что-то случилось на свете,
Коль на злобу мы стали легки?

«...»

Вместо музыки – бешенство рока.
Телевизор цветной – вместо книг.
Не горя, потухает до срока
Нашей жизни единственный миг.

До срока потух короткий, как молния, яркий миг жизни и Ирины. И что самое странное, в окололитературной среде нашлись немногие, которые из зависти ли, безграничной ли глупости и тупости с облегчением вздохнули, узнав о ее кончине. «... Врагов не наживала я, / Но нажила врагов...» – горестно, прозорливо еще при жизни угадала она их личину.

Справедливости ради надо сказать, что тысячи и тысячи поклонников ее дарования понесли величайшую, невосполнимую утрату, потеряв такого поэта-гражданина. Если бы наши художники, прозаики и поэты были такими как Ирина, не было бы афганской и чеченской бой-

ни, терактов, расстрела парламента, Беловежского сговора, гибели миллионов наших соотечественников и самой нашей Родины.

В страшное время мы живем. Вспомним, как писал Николай Некрасов: *«Бывали хуже времена, / Но не было подлей»*. И для сравнения: в наши дни совесть, честность, любовь к Отечеству, отеческим гробам, ко всему светлому и святому стали не только ненужными, бесполезными, а даже вредными, и неслучайно сытые морды проповедуют, что патриотизм – последнее убежище негодяев. Это неправда.

Друзья, товарищи, братья и сестры, будем оптимистами:

*Но смотрят в нас бестрепетно и ясно
Глаза мадонн из-под усталых век.*

Как мир велик! Как наша жизнь

прекрасна!

И все-таки бессмертен человек!

Олег Отрошко,
член Союза художников СССР
2014 год

Автопортрет

За окнами встает рассвет,
И голоса смелеют птичьи.
А в белой тишине больничной
Рисует мальчик свой портрет.

Пятнадцать мальчику всего –
Полжизни он провел в больнице.
И не летели быстрой птицей
Года печальные его.

Но вот готов автопортрет:
Во взгляде – ожиданье чуда,
Улыбки свет...
– А грусть?
– Откуда?!
Ему ж всего пятнадцать лет!

И, слава Богу, не в плену
Он у жестокого неверья.
... Ветвями тянутся деревья
К его больничному окну.

Актриса эпизода

Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.
И таяли надежды год от года
Сыграть Джульетту, Софью или Нину.

Ни красоты, ни режиссера-мужа,
Ни пробивной, берущей штурмом силы.
Ей даже звучный голос был не нужен:
На сцену бессловесной выходила.

Она уйти пыталась из театра,
Уйти, обиде собственной в угодую.
Но возвратилась все-таки обратно.
Но оказалась мнимую свобода.

Как ненавистна ей своя работа.
И как любима, как необходима.
... Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.

Апрельский снег

На землю падал снег, не уставая,
Ложился на деревья и дома.
Не знал, наверно, – скоро время маю,
Не знал, должно быть, что прошла зима.

Снег был таким же чистым,
первозданным,
Как в декабре. И чудилось ему,
Что он явился гостем долгожданным.
Хотя в апреле был он ни к чему.

Ах, Настасья...

Ах, Настасья, ты Настасья,
Сладок, нет ли муж чужой?
У ворованного счастья
Вкус отчаянный, хмельной.

Губы зрелые медовы,
Руки белые – взлет.
Ненасытно и бедово
Настя мед тягучий пьет.

Ничего, что пьет украдкой,
Лучше, что ль, когда одна?
А семья его – в порядке,
Мужем хвалится жена.

Не судите, злые люди,
Бабий век вот-вот пройдет,
От жены-то не убудет,
Насте чуть перепадет.

Ах, Настасья, ты Настасья,
Успокаивай себя.
Слишком долго ты без счастья,
Слишком долго – не любя.

А теперь-то – ох, как сладко,
Ох, как жарко – не застынь.
... Мед, что Настя пьет украдкой,
Превращается в полынь.

* * *

Без передышки падал дождь,
Деревья пригибая круто,
И, торопившая минуты,
До нитки вымокшая, всё ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Тревога, острая, как нож,
Вонзилась в сердце больно, слепо,
И понимая: ждать нелепо,
Безумно, безрассудно, – всё ж
Шептала женщина:
«Придешь»,

Устав, уgomонился дождь,
Деревья распрямили плечи,
И только ей не стало легче
В предчувствии беды, но всё ж
Шептала женщина:
«Придешь».

Судьба, ты горести не множь,
Пускай и в ведро, и в ненастье,
Мольбам отчаянным подвластен,
Приходит, утверждая счастье
И отвергая зло и ложь,
Тот, кому женщина
«Придешь».
Шептала.

Бойня

Опять посылают мальчишек под пули,
Опять матерям и отцам не до сна.
В который же раз наш народ обманули?
Скажите, кому эта бойня нужна?

Быть может, назвать всех убийц
поименно,
Виновников этой проклятой войны?
Шикуют, на смерть посылают законно,
Их детки надежно защищены.

В гробах возвращаются мальчики наши,
Уже им не встретить свое Рождество.
А «ящик» покажет, как лопают, пляшут
На празднике сильные мира сего.

У ястребов целы и когти, и крылья,
На сытых их мордах не выступит кровь.
И миром по-прежнему правит насилие,
И втоптаны в грязь и добро, и любовь.

Вопросы, вопросы...

Возможно ли жить не по лжи
В стране изолгавшейся этой,
Где призраки и миражи
Уводят от истины светлой?

Где ложью пропитан эфир,
Где с телеэкрана иудин
Оскал ощеряется в мир?
Неужто сей грех неподсуден?

Неужто добро и любовь –
Сплошные обман и витийство?
Неужто же смоется кровь
С того, кто толкнул на убийство?

Кто брата на брата послал,
Чтоб крепче держаться на троне?
Все шире иудин оскал.
Неужто не всеми он понят?

Народ терпеливый, скажи...
Молчание – вместо ответа.
Так можно ли жить не по лжи
В стране изолгавшейся этой?

Октябрь 1993 г.

Воронье

*Под впечатлением картины художника
Олега Отрошко «Черный ворон
над моей землей»*

Воронье над Россией моей
Все кружит в ожидании добычи.
И становится небо черней,
Журавли уже в нем не курлычут.

Воронье над Россией кружит,
Солнце доброе, щедрое застит.
А Россия распятой лежит,
Лихолетью открытая настезь.

Так, быть может, поднимем ее?
Или врагов мы не осилим?
Над Россией моей – воронье.
Воронье – над моею Россией.

Неужели же нам суждено
Не воспрянуть от смертного ига?
Над Россией кружит воронье.
Стынет кровь от зловещего крика.

* * *

Вошел в квартиру как чужой,
Не сняв плаща, застыл у двери:
«Прости... Я ухожу к другой...
Люблю... Сначала сам не верил...»

Он жалко поднял воротник,
Как защищаясь от ненастья,
И ждал, что будут слезы, крик,
А услышал: «Какое счастье...

И у меня давно другой,
Не знала, как тебе признаться.
Живи спокойно, дорогой,
Теперь нам нечего бояться».

...Он шел, уставив в землю взгляд,
Душила горечь униженья,
И почему-то был не рад
Желанному освобожденью.

Ведь он все время верил той,
Что ежедневно предавала...
...В квартире темной и глухой
Так страшно женщина рыдала.

Все меньше на улицах женщин
беременных,
Все больше на улицах нищих старух,
Все больше растерянных, просто
потерянных
Средь распрей, разлада, и войн, и
разрух.

Летит мелочишка в кепчоночку драную,
Летит по-хозяйски лихой «Мерседес».
Россия зияет открытою раной,
Россия несет терпеливо свой крест.

Скрывает врагов ее маска радетелей:
«Отец демократии», «брат» или «сын».
За то, что Россию распяли, ответите.
...Но всем ли иудам достанет осин?

В старой роще

Упала замертво береза.
Поникли вмиг ее подруги,
Скрыв подступающие слезы
И не заламывая руки.

И их черед наступит скоро –
Стволы печально потемнели,
Им нет ни смены, ни опоры –
Заполонили рощу ели.

Подростом были – стали чашей,
Что им березы – песня спета.
Так, торжествуя и кричаще,
Тьма вытесняет радость света.

Два одиноких человека
Решили жить одной судьбой,
Ведь так положено от века:
Не «ты да я», а «мы с тобой».

Но только вот ее печали
Не стали для него близки,
И больно делалось едва ли
Ей от его немой тоски.

Ни радость общую не стала,
Ни грусть – одною на двоих.
И так тепла не доставало
Пустынному жилищу их.

...Судьба отсчитывает сроки –
Уж скоро листья полетят.
Живут вдвоем и – одиноки.
...«Нашли друг друга», – говорят.

* * *

Дефицит доброты – почему же?
Не хватает тепла – отчего? –
У жены – для любимого мужа,
У сынов – для отца своего.

Появились «забытые» дети
И ненужные всем старики.
Видно, что-то случилось на свете,
Коль на злобу мы стали легки?

Только сетуем: жизнь, мол, такая,
Хочешь жить, так вертеться умей.
Вот и вертимся, спешно меняя
Друга детства на «нужных» людей.

Пробиваемся и пробиваем,
Лишь бы локти острей, и – вперед!
И меняем, меняем, меняем.
Вместо жалости – трезвый расчет.

Вместо музыки – бешенство рока.
Телевизор цветной – вместо книг.
Не горя, потухает до срока
Нашей жизни единственный миг.

* * *

Памяти Вали Барулиной

Захлестнуло петлей отчаянья,
И невмочь и дышать, и жить.
Я обидела друга нечаянно,
Не успел он меня простить.

Сердце боль теснит неизбежная,
Мне никто не может помочь.
В сны мои походкой неспешною
Друг приходит каждую ночь.

Он тревожит меня молчанием,
Умоляю его простить.
Я обидела друга нечаянно...
Как теперь непрощенной жить?

Изба

Стоит изба не топлена,
И окнами не светится,
Тропинка в ней не топтана
Уж много-много месяцев.

Изба хоть и не новая,
Не назовешь и сказкою,
Но ладная, здоровая,
Со стойкою окраскою.

То ль умерли хозяева,
То ль без избы обходятся...
Ну, а тогда пора ее
Другим обжить, как водится.

Ай, доля незавидная –
Такая ли загадана?
Да где же это видано,
Чтоб никому не надобна?

* * *

*Памяти учителя и друга
Бориса Емельяновича Васильева*

Как жизнь проста.
До странности. До смеха.
Как жизнь сложна –
постичь ли глубину?
И как же мало
нужно человеку.
И как же много
надобно ему.

Но как нам жить
в страданиях и тревоге,
Любить, желать,
терзаться, думать, сметь,
И знать, что в жизни
все пути-дороги
Ведут во мглу
с названьем страшным – «смерть»?

Но смотрят в нас
бестрепетно и ясно
Глаза мадонн
из-под усталых век.
Как мир велик!
Как наша жизнь прекрасна!
И все-таки бессмертен человек!

Можно ль жить, коль навеки обвенчаны,
А любимая раньше ушла?
Но другая со временем женщина
В доме место ее заняла.

Подарила судьба не последнее –
И детей, и тепло, и уют.
...А ведь это легенда, что лебеди,
Потеряв лебедих, не живут.

Олегу Отрошко

На судьбу тебе пожалуюсь,
Никого не обвиняя.
Пожалей меня, пожалуйста,
Приголубь, утешь меня.

Я заплачу с облегчением
Тихо-тихо иль навзрыд.
Ты спаси меня терпением
От напастей и обид.

Не святую, не безгрешную
И не верящую в рай,
Исцели меня надеждою,
В доброту поверить дай.

Не унижить сердце жалостью,
Без сочувствия – больней.
Пожалей меня, пожалуйста.
Если можешь, пожалей.

Наталья Николаевна

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Гончарова,
Душа у Пушкина болит,
Скажите хоть полслова.
Неужто этот странный взгляд,
Который ускользает
(Иль на любимых так глядят?),
Блаженство обещает?

Наташа, Таша, Натали,
Ах, Пушкина Наталья,
Какие силы вас свели
И напрочно связали?
Шесть лет отпущено судьбой –
Не рано ль жизнь итожить?
А если б вверился другой,
Быть может, дольше б прожил?

Наташа, Таша, Натали,
Наталья Николавна
От света шумного вдали
Живет на Полотняном.
Мать и вдова. Вдова и мать.
Сама почти девчонка.
Ее уже не величать
Расейским словом «жёнка».

Наташа, Таша, Натали,
Наталия Ланская.
Спокойный и прекрасный лик
Другого взор ласкает.

Поэт опальный... Генерал...
А со вторым полегче?
...Наталия, окончен бал.
Погасли тихо свечи.

Натурщица

Чуть тесновата и захламлена,
Но солнцем не забыта мастерская,
Позирует, прелестна и юна,
Художнику натурщица нагая.

Она, отрекшись от стыда и мук,
Единым взмахом сбросила одежды.
А он, отметив гибкость ее рук,
В глазах не видит страсти и надежды.

Души ее не силясь разгадать,
Он тщательно выписывает груди.
...Перед картиной, может быть, стоять
Потом подолгу молча будут люди.

Они забудут про дела свои
Пред красотой, наивной и безгрешной,
Но жаль, что не узнают о любви,
Невысказанной, горькой и мятежной.

* * *

*«Дубовый листок оторвался от
ветки родимой...»*

М. Лермонтов

Не дай нам Бог оторванным листком
Скитаться одиноко по чужбинам,
Где самый сытый и роскошный дом
Не станет ни родным, и ни любимым.

Быть может, где-то лучше чем у нас –
Вольготнее, богаче и красивей.
Но как же страшно в свой последний час
Не ощутить целебный свет России.

Лишь вспоминать в больной тоске
по ней
То поле ржи, то теплые березы,
Не разглядев российских журавлей
Сквозь жалкие непролитые слезы.

Неизвестная

Красива, молода, богата,
Надменный, неприступный вид.
Так что ж в высокомерье взгляда
Боль безысходности сквозит?

Кто ж молодая дама эта
С великой тайною души?
Отторгнутая высшим светом?
Отравленная ядом лжи?

Или настигнутая колкой
И беспощадною молвой?
А может, эту незнакомку
Придумал попросту Крамской?

Постигнуть тайну – труд напрасный,
Была ль она? Когда? И где?
Но, Боже, как она прекрасна
В своем величье и беде.

* * *

О, как нелепо я живу –
Все верю, словно в Божью милость:
Восторжествуют наяву
И доброта, и справедливость.

И жизнь спасется красотой.
Но вдруг в бессилии заплачу,
Что этот мир, несчастный, злой,
Я не смогу переиначить.

Отшельник

Посредине двадцатого века,
Посредине России самой
Уголок без людей человеку
Удалось отыскать, боже мой.

Год за годом, как вежа за вехой,
Он – один. Не тревожат его
Суэта и мирская утеха,
Деньги, слава – да мало ль чего.

Он босыми ногами ступает
По морозной и знойной земле.
Бог пошлет – будет пища простая,
Солнце глянет – пробудет в тепле.

Можно ль так исцелиться от боли –
Смуты века не ведать, не знать?
...Не понять: то ль себя обездолил,
То ль, напротив, вкусил благодать?

Памяти Бориса Мельгунова

Каждый день мог последним
для меня стать в больнице.
Ты пришел. Ты бордовые розы принес.
Крепко сжал мои руки,
боялся проститься.
Очень сильный, большой,
ты не сдерживал слез.

Я не верила в смерть
и последнюю встречу.
Всё еще впереди.
Я живу! Я живу!
...А тебя уже нет.
Твои розы и речи,
Твои слезы и взгляды...
Было ль то наяву?

Через сто дней ушел
от меня навсегда ты.
Не успела проститься...
Как больно душе...
Я не знаю: кем был ты мне —
другом или братом?
Но второго такого
не будет уже.

Памяти Марины Цветаевой

I

*«Я тоже была, прохожий,
Прохожий, остановись».*

Растерянно держу в руках букет
Из летнего тугого разноцветья.
Никто не знает, где приют последний
Сыскала божьей милостью поэт.

Забытые могилы там и тут
Разбросаны, безмолвны и безлики.
Но ягоды пунцовой земляники
Наперекор угрюмости растут.

Я наклонюсь над ягодой лесной,
Пришедшей на погост неосторожно,
И вздрогну вдруг: «Остановись,
прохожий», –
Мне скажет голос тихий и глухой.

II

В черную бездну глядели глаза
Долгие годы.
Что перед нею – ненастье, гроза,
Беды, невзгоды?

Что же – в конечном итоге – петля –
Средство спасенья.
Добрые люди, простите меня!
Нужно ль прощенье?

То перед ней непомерна вина.
Все виноваты.
Чаша с отравой до края полна –
Время расплаты.

Кинозвезде и певичке – почет!
Вечно нехстати
Только поэт, что меж нами живет,
Он – для распятья.

* * *

*Памяти Виктора Александровича
Давыдова, режиссера, актера, педагога*

Перед ушедшими вина
Растет, как снежный ком,
За то, что я была полна
Надежды на потом.

Еще успею написать,
Успею позвонить,
И выслушать, и рассказать,
Прощенья попросить.

Но больно сердце резанет
Газетный некролог,
И близкий человек уйдет
Последней из дорог.

Земная коротка стезя,
Конец пути не нов.
...Нельзя откладывать, нельзя
Ни встреч, ни нужных слов.

Платить*, не пряча про запас,
За доброту добром.
Всё будет только лишь сейчас,
И ничего – потом.

* Так у автора

Песня

*Памяти отца
Евгения Сергеевича Барина*

Улыбчивый, черноволосый,
Из тех, что и жнец, и игрец:
«Я трогаю русые косы»
Поет молодой мой отец.

И быстрые женские слезы
Туманят внимательный взгляд.
«Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят».

Нехитрая песенка эта,
Но спаяны в ней, сведены
И радость весеннего света,
И горькая память войны.

«Я трогаю русые косы...»
...То время давно позади.
Но стоит слышать «Березы»,
Как сердце сожмется в груди.

Отца уже стала я старше,
Но память не знает преград.
Всё так же над нами, всё так же
Родные березы шумят.

* * *

Под плевки пьянчужек праздных
И под ропот «Ну и стыд»
У дверей пивнушки грязной
Баба пьяная лежит.

В плащ затасканный одета,
Не стара, не молода...
Неужели тело это
Было женщиной когда?!

Было! В бедненьком платочке,
Не похожая на мать,
Ее маленькая дочка
Все пытается поднять.

«Мама!»
Да, пока что мама – мама,
Только плачет дочь навзрыд,
Не спасенная от срама
Баба пьяная лежит.

Рубцы Рубцова

Отчего-то сейчас
поняла, что за слово
Стало корнем фамилии
Коли Рубцова.
Ведь почти что полгода
болят и болели
У меня каждой ночью
рубцы на всем теле.
Ох, как сильно болят,
что уснуть невозможно.
Но сегодня вдруг стало
особо тревожно.
У Рубцова рубцы,
как открытые раны,
Были в самой душе
всю-то жизнь беспрестанно.
Всю короткую жизнь...
А ведь это больнее,
Чем болят у меня
на груди и на шее.
Кровоточит душа –
только к ней прикоснитесь...
Николай, Николай,
ты не князь и не витязь,
Просто русский мужик,
и бездомный, и пьяный.
А поэзия вот –
она вся без изъяна.
В ней – прозрачность и вкус
родниковой водицы.
К ней, кто жаждет, всегда
припадет – утолится.

* * *

Сквозь слезы и пургу
В твой горький час приду,
Утешу, как смогу,
И отведу беду.
Затихнет боль. И крик
Не разорвет груди...
Но в твой счастливый миг
Я не приду. Не жди.

Слепая

Поэтессе Розе Гуревич

Глаза слепые – сердце зрячее,
Тихонько за руку взяла:
Ну что случилось? Чуть не плачешь ты...
Ведь ты совсем невесела.

...А я смеялась так отчаянно,
Тоску запрятав в глубине,
Что даже люди неслучайные
Ничто не поняли во мне.

Глаза слепые – руки зрячие,
Прикосновения легки.
Шепнула: «Ты ли не удачлива?
Перебори. Перемоги».

* * *

Сносили дом.
Не дом – избушку
На курьих ножках.
Прижав к груди своей,
старушка
Держала кошку.
И плакала.
Дрожали руки –
Нет с ними сладу.
А тракторист ворчал:
«Старухи!
Чего им надо?
Въезжаешь в новый дом,
бабуля!
Наплюй на рухлядь».
Сидела старая на стуле.
Дрожали руки.

Солдат

Дождались солдата с войны.

Но без ног

Солдат воротился: «Ну вот,
Придется теперь обойтись без сапог –
Все меньше расход».

От шутки такой зарыдала жена,
Испуганно дети глядят.
– А плакать зачем же? Такая война
Закончилась. Выжил солдат!

Ни той, ни другой у солдата ноги.
А руки солдату – на что?
И стал для других он тачать сапоги,
И жалоб не слышал никто.

Когда ж беспощадные раны на грудь
Те руки сложили крестом,
Его сапогами протоптан был путь
До самой могилы потом.

Стареющая поэтесса

Надежды на бессмертье не осталось,
Удачи пролетели стороной,
Вселились в душу злоба и усталость,
А в дом – лишь пустота и непокой.

И зависть, зависть – к молодости, силе,
К таланту и семейному гнезду.
И мутные заботы погасили
Ее неповторимую звезду.

...Не дай мне Бог такую же судьбину,
Убереги от злобы, нелюбви.
Что до бессмертья... Завещаю сыну
Я строки безыскусные свои.

Торговка

С утра на рынке с огурцами, с редькой,
Торгуется: «Дешевле не отдам».
У ней и покупают очень редко –
Цена-то дорогая огурцам.

Все распродав, расходятся торговки,
Она сидит, ссутулившись, одна,
И отдает и редьку по дешевке,
И огурцы – какая им цена?

Потом бредет понуро, неохотно,
В свой безотрадный, бесприютный дом,
Где в черных рамках маленькие фото
Тускнеют над обеденным столом.

Пьет поздний чай вприкуску с
рафинадом –
Нехитрый ужин. Он же и обед.
Скорее спать. Ведь завтра снова надо
Вставать чуть свет.

* * *

– Чай придешь ко мне в гости, Ирина, –
Приглашала старушка-соседка, –
Угощу самой спелой малиной,
Самой свеженькой, прямо с ветки.

Из подполья винца тебе выну,
Самодельного – ты не пивала,
Расскажу про внучат и про сына,
Да как в девках гуляла, бывало.

Ты не думай, я помню немало,
Может быть, для стиха пригодится.
Вон, как бабуку свою расписала,
Чай теперь перед всеми гордится.

Я пришла. Сладко пахла малина.
А вино из рябины горчило.
И старушка-соседка про сына
И про жизнь про свою говорила.

И хмелея, протяжно запела,
А потом неожиданно стихла
И сказала: «Такое вот дело...
Написала бы все-таки стих-то.

В жизни, видишь ты, всяко бывает...»
Помолчала. Добавила тише:
«Вдруг да сын невзначай прочитает,
Уж тогда, знамо дело, напишет...»

* * *

Никите

Я сыну пою колыбельную песню,
Слипаются милые сонные глазки,
Сейчас для него ненадолго исчезнут
Лицо мое, голос, и песни, и ласки.

А он и во сне остается со мною,
И счастье, и беды мои, и надежды –
Все то, что непросто зовется судьбою, –
В ручонках своих крепко-накрепко
держит.

* * *

Я жила и легко, и ладно,
Никому не желала зла.
Почему ж вышло так нескладно –
У другой тебя отняла?

Полюбила я, полюбила.
Но, обидой своей полна,
Та кляла меня и корила.
Только в чем же моя вина?

Нет виновных в любви – я знаю,
Разве кто запретит любить?
...Отчего же беда чужая
Не дает мне счастливой быть?

Вместо послесловия

Пронзительный дар сострадания

В одном из стихотворений Ирины Бариновой есть строчка: «Не унизить сердце жалостью». Для большинства из нас, воспитанных в твердом сознании, что «жалость унижает», это равносильно некоему нравственному открытию. И кто-то, наверное, будет с этим спорить. Но прислушаемся к самому слову – «жалость». Русский язык мудрый, он иногда одним звучанием слова разрешает наши сложные вопросы. Мне думается, «жалость» – от слова «жалить». Это когда жалит, больно жалит сердце чужая беда. Сердцу больно от чужой боли. Сердце сострадает. Вот такая жалость-сострадание глубоко свойственна поэзии Ирины Бариновой, а значит, и ей самой – ведь между поэзией и личностью у нее практически нет зазора.

Чувство сострадания в ее стихах часто выражено прямо, без обиняков:

У той старушки мужа нет и сына –
Один лишь черный одряхлевший кот
Да жирная нелепая гусыня,
Которая яиц-то не несет.

Кого винить, коль в жизни так
случилось:
С котом, с гусыней век свой доживать.
Что было – сплыло, помнилось –
забылось,
Что не сбылось, тому и не бывать.

В домишке ветхом, как сама, и ныне
Старушка неприметная живет.
Живет, пока бьет крыльями гусыня,
Пока мяучит желтоглазый кот.

А вот другое стихотворение:

Актриса эпизода

Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.
И таяли надежды год от года
Сыграть Джульетту, Софью или Нину.

Ни красоты, ни режиссера-мужа,
Ни пробивной, берущей штурмом силы.
Ей даже звучный голос был не нужен:
На сцену бессловесной выходила.

Она уйти пыталась из театра,
Уйти, обиде собственной в угодую.
Но возвратилась все-таки обратно.
Но оказалась мнимую свобода.

Как ненавистна ей своя работа.
И как любима, как необходима.
... Она была актрисой эпизода,
Невидной, неизвестной, заменимой.

Разные судьбы, но общее в них – неприметность, неизвестность малых, безнадежно затерянных в мире людей...

А теперь вспомним – не удивляйтесь! – Пушкина и великие строки его стихотворения «Пророк»:

И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.

Признаюсь, меня с детства глубоко трогала строчка о «дольней лозе». Сердце щемило от мысли, что для поэта равно важны и значимы и «неба содроганье», и «горний ангелов полет», и какая-то тонкая веточка – лоза, которая где-то в дальней дали, никому не известная, прозябает...

Я думаю, многие русские поэты, независимо от степени своего дарования, унаследовали это пушкинское внимание к «дольней лозе». И поэзия Ирины Бариновой до глубины проникнута этим вниманием и состраданием к «малым сим». Ну кто, например, обратил бы внимание на какую-то малосимпатичную торговку на рынке? А Ирина Евгеньевна увидела ее, представила себе жизнь этой торговки – и ее «ужалило» сострадание:

С утра на рынке с огурцами, с редькой,
Торгуется: «Дешевле не отдам».
У ней и покупают очень редко –
Цена-то дорогая огурцам.

Все распродав, расходятся торговки,
Она сидит, ссутулившись, одна,
И отдает и редьку по дешевке,
И огурцы – какая им цена?

Потом бредет понуро, неохотно,
В свой безотрадный, бесприютный дом,
Где в черных рамках маленькие фото
Тускнеют над обеденным столом.

Пьет поздний чай вприкуску
с рафинадом –
Нехитрый ужин. Он же и обед.
Скорее спать. Ведь завтра снова надо
Вставать чуть свет.
(Торговка)

Ирина Баринова способна была пожалеть
даже снег, выпавший не ко времени:

На землю падал снег, не уставая,
Ложился на деревья и дома.
Не знал, наверно, – скоро время маю,
Не знал, должно быть, что прошла зима.

Снег был таким же чистым,
первозданным,
Как в декабре. И чудилось ему,
Что он явился гостем долгожданным.
Хотя в апреле был он ни к чему.
(Апрельский снег)

Каким зорким должно быть сердце, чтобы увидеть скрытую беду этого прекрасного, но оказавшегося ненужным снега! И как чутко должна быть настроена душа, чтобы и на эту беду отозвалась верным звуком тонкая сердечная струна... Этот пронзительный дар сострадания – драгоценное свойство поэзии Ирины Бариновой.

Ирина Шихваргер

Аккорд еще рыдает

Сначала несколько трогательных эпитетов: *«милая, талантливая девчушка со щечками в ямочках, обаятельная»*, *«у нее потрясающие стихи»*, *«иногда кажется, что они (песни) со мной всю жизнь»*; *«дай Бог, чтобы мы встретились!»*.

Эти слова принадлежат великолепным, талантливым русским интеллигентам – композитору, народному артисту СССР Григорию Федоровичу Пономаренко и певице, заслуженной артистке России, директору Центра песни Григория Пономаренко Веронике Ивановне Журавлевой-Пономаренко. Это слова о нашей ярославской поэтессе Ирине Бариновой.

28 января 2015 года исполнится 7 лет с тех пор, как Ирина безвременно покинула этот мир, как она сама выразилась, *«со слезами и в бессилиии»* от того, что *«Этот мир, несчастный, злой, / Я не смогу переиначить»*.

Приведу текст письма супругов Пономаренко (не исключено, что письмо это находит своего массового читателя впервые).

«Милая, талантливая девчушка со щечками в ямочках. Мы не получили от тебя известий... У нас радость. Хоть мы оба и в болезнях, а все же радость... Половину стихов твоих я положил на музыку. Это: «Не дай нам Бог!», «Разговор соседок», «Не сроднилось, не слюбилось», «Ах, Настасья», «Ты для судьбы на что мне», «Не виня, не прощая», «Не дари мне сережек рубиновых», «Я дерево, возвращенное тобой».

9 марта по телеку поет Верочка наши песни. Тут влюбленные «бабы» хотят написать тебе

письмо. Мы мыслим, как тебя позвать к себе и показать по телеку. А запись на пленке мы постараемся переслать в посылке. Так что ты зажгла Пономарёночка на свои стихи. Я очень доволен своей работой с тобой. Вероничка моя поет с большим удовольствием и любовью наши с тобой песни».

(Далее письмо продолжает Вероника Журавлева-Пономаренко).

«Ирочка, уже вся наша Кубань поет песни Пономаренко на стихи И. Бариновой. Какая замечательная музыка и точно такие потрясающие женское сердце стихи. Слава Богу, что Господь позволил вам встретиться на расстоянии, и вот плоды...

Я так полюбила эти песни, что иногда мне кажется, что они со мною всю жизнь. Мы пришлем тебе кассету, чтобы ты послушала. А по телевизору я отсняла фильм-концерт «Любить не приневолю», у нас он есть на видеокассете.

Горя у нас тоже много, папа мой болеет, да и Гришенька прибаливает. Вроде бы всего достигли, так все равно спокойствия в жизни нет. Господи, когда же оно будет?

Целуем тебя, Ирочка, крепко. Крепись, что поделаешь, жить надо. Ждем ответа, и дай Бог, чтобы мы встретились!

Вероника».

Позднее, в июле 2011 года Вероника (уже народная артистка России, почетный гражданин Краснодара, профессор Краснодарского института культуры и искусства, генеральный директор Краснодарской филармонии имени Г. Пономаренко) в письме матери Ирины, Ольге

Николаевне Бариновой, написала: *«Жаль, что Ирины нет с нами. Но есть ее стихи, их написала талантливая женщина своей душой, своим сердцем. В жизни не бывает случайностей, и мне кажется, самим Богом послано, чтобы стихи Ирочки попали в руки композитора...»* В скобках Вероника поясняет, что Г.Ф. Пономаренко «в своей гримерке, листая журнал «Художественная самодеятельность», случайно «обнаружил такое сокровище – стихи И. Бариновой».

Превосходное мнение супругов Пономаренко для нас, земляков нашей Ирины, дорогого стоит.

О том, что песни на слова Ирины самой высокой пробы, говорит курьезный факт: на некоторых сайтах в Интернете автором слов ее песни «Не дай нам Бог!» (в исполнении Иосифа Кобзона) считают аж самого Александра Блока. Значит, достойны Иринины стихи имени русского классика.

Заголовок этой заметки – часть строки знаменитого трепетного четверостишия поэта 19-го века Семена Надсона, написанного в 1886 году:

*Не говорите мне «он умер». Он живет!
Пусть жертвенник разбит – огонь
еще пылает,
Пусть роза сорвана – она еще цветет,
Пусть арфа сломана – аккорд еще
рыдает!..*

Аккорд этот до сих пор еще рыдает в сердцах всех, кто обогревал Ирину и кого она любила сама.

Г.П. Хирцов,
составитель сборника

Содержание

О. Отрошко

«И не привыкнуть к боли никогда...» 3

Лирика

Автопортрет 8

Актриса эпизода 9

Апрельский снег 9

Ах, Настасья..... 10

«Без передышки падал дождь...»..... 11

Бойня 12

Вопросы, вопросы..... 13

Вороньё 14

«Вошел в квартиру как чужой...» 15

«Все меньше на улицах женщин
беременных...» 16

В старой роще 16

«Два одиноких человека...» 17

«Дефицит доброты - почему же?...» 18

«Захлестнуло петлей отчаянья...» 19

Изба 20

«Как жизнь проста...»..... 21

«Можно ль жить коль на веки
обвенчаны...»..... 22

«На судьбу тебе пожалуюсь...» 22

Наталья Николаевна.....	23
Натурщица.....	24
«Не дай нам Бог...»	25
Неизвестная	26
«О, как нелепо я живу...».....	26
Отшельник.....	27
Памяти Бориса Мельгунова	28
Памяти Марины Цветаевой	
I. «Растерянно держу в руках букет...».....	29
II. «В черную бездну глядели глаза...»	29
«Перед ушедшими вина...»	30
Песня.....	31
«Под плевки пьянчужек праздных...»	32
Рубцы Рубцова	33
«Скозь слезы и пургу...»	34
Слепая.....	34
«Сносим дом...»	35
Солдат	36
Стареющая поэтесса.....	37
Торговка	38
«У тети Маши полон дом детей...»	39
«У той старушки мужа нет и сына...»	39
«— Чай придешь ко мне в гости, Ирина...»	40

«Я сыну пою колыбельную песню...»	41
«Я жила и легко, и ладно...».....	41

Вместо послесловия

И. Шихваргер.

Пронзительный дар сострадания	42
-------------------------------------	----

Г.П. Хирцов.

Аккорд еще рыдает	46
-------------------------	----

Ирина Евгеньевна Баринова

СОСТРАДАНИЕ
Избранная лирика

Редактор-составитель: Г.П. Хирцов
Корректор: В.М. Хирцова
Верстка: Е.В. Сизова

Отпечатано в ООО "Аверс Плюс"
150040, г. Ярославль, ул. Победы, 34
Тел. 97-69-22, 25-54-85
Бумага офсетная.
Подписано в печать 12.12.2014 г.
Тираж 350 экз. Заказ №457

«А он все рисует умелой рукой
То краской червонной, то золотой,
Ничем не изменит призванью.
Прощальною радует нас красотой,
Дарует в попутчики мир и покой
Нелегкой поре увяданья».

(Сентябрь)